

Когда Фэн Сяолин, гордо носившая титул первой красавицы, выходила замуж за Цзяннаньского хоу — наследственный титул знати в древнем Китае, вся столица праздновала. Главные улицы обратились в реки крови от украсивших их отрезков алых тканей и пожеланий долгих лет молодоженам, всюду кружили цветные обрывки бумажных фейерверков, а родственники новобрачных при встрече улыбались друг другу так широко, что за белоснежными зубами видны становились десны. Это брак заключен был будто на небесах: на одном из приемов в императорском дворце Цзяннаньский хоу, Пань Тань, увидел Фэн Сяолин и тут же в нее влюбился, а девушка ответила ему взаимным интересом. На приеме они перебросились лишь парой слов, не посмев нарушить приличия, но с тех пор каждую неделю Пань Тань ездил к отцу Фэн Сяолин, придворному чиновнику, привозил ему богатые подарки и вкусные угощения, не забывая передавать разные приятные безделушки девушке. Фэн Сяолин в ту пору сама не своя стала от окрылившего ее чувства влюбленности: не спала и не ела, лишь улыбалась ласково, как улыбается озерной глади призрак далекой луны, и все смотрела на ворота своего дома, по прибытии Пань Таня ожидая хоть на миг увидеть его лицо. Молодой хоу недавно вернулся с войны, потому черты его еще хранили суровую угрюмость, но при взгляде на Фэн Сяолин он расцветал, словно сладкие цветы османтуса, и не мог сдержать сияющего в глазах восхищения.

Потому свадьба молодых господ ни для кого не стала новостью. Простые люди радовались щедрым дарам, что подготовили на праздник влиятельные семьи, старшие родственники молодоженов их полюбовному, но выгодному союзу, а сами жених и невеста — возможности быть друг с другом. Лишь один человек в праздничной суматохе оставался недоволен: брат Фэн Сяолин, Фэн Жун. Они с сестрой были от одной матери и, когда та умерла от болезни, стали заботиться друг о друге и во всем поддерживать. Пусть новая жена отца с ними плохо не обращалась, для Фэн Сяолин и Фэн Жун она оставалась мачехой — конечно юноше любимую сестрицу не хотелось отдавать грубому вояке!

К его несчастью, Пань Таня не в чем было обвинить. Выходец из обедневшего дворянского рода, лишившийся родителей по малолетству, он собой представлял воплощение выражения «родился с драгоценной яшмой во рту» (hányù ér shēng обрзн. в знач. человека, который с самого появления на свет обеспечен богатством, привилегиями и высоким социальным статусом). Выражение пошло от главного героя романа «Сон в красном тереме». Все, за что бы Пань Тань не брался, у него получалось: в юности он своими талантами добился права стать соучеником Второго принца, затем ушел в армию и всего за несколько лет от сотника стал генералом многотысячных войск, получил признание самого Императора и щедрый титул Цзяннаньского хоу. Враги говорили, что Пань Тань душу продал демонам, потому сражаться с ним было нельзя: удача преследовала мужчину по пятам и там, где иные генералы проливали пот, слезы и кровь, ему достаточно было лишь отдать несколько распоряжений, чтобы одержать безоговорочную победу. Но и в дали от поля боя Пань Тань оставался человеком высокого нрава и достойного воспитания, праведным и терпимым, надежным, но не резким, какого прямо сейчас можно было назвать благороднейшим молодым господином нынешнего поколения. Фэн Жун он невероятно раздражал.

Сидя в своих покоях после отъезда сестры, Фэн Жун с досадой крошил в кулаке орехи, ссылая

их на серебряное блюдо, и говорил:

— Не может он быть таким уж безгрешным! Я его лживую рожу вижу насквозь! Собака, а прицепил волчий хвост и радуется!

— Господин Пань достойный воин и добрый человек, — спокойно отвечал Фэн Жуну один из его телохранителей и близких друзей, Куань. Долгое время он служил в армии и даже когда-то сражался вместе с Пань Танем, потому безмерно его уважал. — Он будет хорошим супругом.

— Да зачем Сяолин вообще сдался супруг! — вскричал Фэн Жун, вскакивая с места и начиная нервно бродить по комнате. — Оставалась бы жить со мной, я бы обеспечил ее всем, чего бы она захотела! Бросила меня ради какого-то... — Фэн Жун взмахнул руками и даже лицо его покраснело от желания придумать точное оскорбление, но рот лишь неуверенно выдавил: — ...красавчика. Ах, как подумаю о нем — злость берет!

— Поберегите себя, молодой господин, — ласково сказала Фэнцзи, служанка Фэн Жуна, помогая ему усесться обратно на кушетку. — Наша молодая госпожа дня свадьбы ждала, словно второго рождения, и сейчас она счастливее всех девушек столицы: так разве вам не надо порадоваться за нее?

Фэн Жун и хотел бы, но уже тосковал по сестре, потому продолжал злиться.

Фэн Сяолин действительно первые недели в поместье хоу жила словно в обители бессмертных: Пань Тань был к ней бесконечно внимателен и заботлив, каждую ночь оставался в ее покоях, не ездил на службу, проводя с молодой женой все свое время, одаривал ее нефритом и золотом.

Когда после свадебного отпуска хоу первый день отправился на утреннее заседание, Фэн Сяолин решила прогуляться по его поместью и случайно зашла с молодыми служанками в отдаленную его часть, к павильону, о котором ей прежде никто не рассказывал. Двери тут были новые, с массивными перекладинами и железным засовом, а перед ними стояли несколько доверенных солдат хоу. Фэн Сяолин спросила:

— Что в этом павильоне?

Солдаты переглянулись, но не посмели соврать молодой хозяйке, потому честно ответили:

— Наложник генерала.

Фэн Сяолин была воспитана в строгих правилах и всегда оставалась почтительной и вежливой — что, однако, не отменяло ее упрямого, точно у брата, характера. Девушка росла в семье своего отца старшей дочерью и купалась в безусловной любви родственников, потому была невероятно горда — разве могла она стерпеть, что в доме ее мужа жил кто-то еще? Фэн Сяолин вошла в поместье хоу главной женой и других людей, что женщин, что мужчин, терпеть была не намерена. Побледнев лицом от ярости, она быстро ушла от дальнего павильона, и каблуки ее туфель по камню дорожек будто высекали яркие искры. Насилу дождавшись возвращения мужа, Фэн Сяолин спросила у него, кто живет в павильоне, и почему ранее Пань Тань ничего ей не рассказал. Мужчина на миг задумался, а затем улыбнулся, и в этом выражении на его опаленных южным солнцем щеках появились очаровательные грушевые омуты.

— Это лишь музыкант, которого я содержу у себя, — сказал он. — Иногда меня тянет послушать музыку. Баобэй□□, bǎobèi «золотце», «малыш» или «сокровище», тебе волноваться совершенно не о чем: в моих глазах один твой волос не стоит его жизни.

Но, несмотря на эти слова, как бы Фэн Сяолин его не упрашивала, Пань Тань отказался рассказать, откуда привез музыканта и показать его девушке. Ее сердце смягчилось было от нежных уговоров Пань Таня, но из мыслей она так и не смогла выкинуть загадочный павильон. А на вопрос, почему слуги музыканта назвали наложником, Пань Тань ответил так:

— Они грубые вояки, моя госпожа, и в делах совсем не смыслят. Для них если кто живет рядом — значит наложник или наложница. Не нужно об этих глупых словах много думать.

Однако мысль о павильоне засела в сердце Фэн Сяолин занозой. Она вовсе не была глупа и понимала, что Пань Тань не рассказывает ей правды — и оттого невероятно страдала. Наконец в один из дней она отправилась в дом родителей, якобы навестить отца, а сама встретилась с Фэн Жуном и обо всем ему рассказала.

Юноша возликовал:

— Так я и знал, что с Пань Танем все не так просто! Вздумал изменять моей сестрице? Бабник несчастный, распутник! Вся столица теперь узнает, чего он сто́ит!

Но, несмотря на громкие слова, Фэн Жун опрометчиво действовать не стал, и обстоятельно взялся за это дело. Он выяснил, где последние годы бывал Пань Тань в столице, когда появился в его поместье загадочный павильон, и что о нем толкуют люди. Однако таинственный музыкант, живущий в имении хоу, оказался сложной загадкой: Пань Тань искусством никогда не увлекался, никого из походов с собой не привозил, а слуги его поместья молчали, словно рыбы, и тайны своего господина под страхом смерти отказывались открывать. Лишь через месяц, когда Фэн Жун стал тщательно расследовать каждое место, где Пань Тань когда-либо бывал, он вышел на след семьи Ли. Это семейство из столицы уехало год назад, но нашлась их старая служанка, которая рассказала вот что: у господина Ли было много детей от разных женщин и самый старший из них — Ли Инчунь. Юноша тихий, отрешенный и несколько высокомерный. Ни с кем дружбы не водил, со слугами был холоден и здоровьем обладал слабым: целыми днями сидел в своей комнате, читал да писал. Однако зимой неожиданно в дом Ли пришли люди из поместья хоу и, одарив господина Ли щедрыми дарами, попросили Ли Инчуня забрать в поместье хоу наложником. В нынешней династии брать мужчин в дом было не запрещено, и даже в императорском гареме была парочка; кроме того теплых чувств господин Ли к сыну не испытывал, потому на следующий же день направил его в закрытом паланкине в поместье хоу, а сам с семьей через месяц уехал в деревню, и больше о нем слышно не было.

Фэн Жуну эта история показалась со всех сторон странной. Зачем Пань Таню какой-то господин Ли в наложниках? Зачем было отсылать его семью? Почему он привез его к себе в поместье тайно и теперь даже имени сестре не говорит?

Но как ни пытался выяснить Фэн Жун больше, след Ли Инчуня после попадания в поместье хоу будто запорошило снегом — ничего не разглядеть! Понять, он ли прячется в далеком павильоне и что между ним и Пань Танем за отношения, можно было лишь проникнув внутрь. Пытаться пробраться под покровом ночи в поместье хоу Фэн Жун не решился, потому вместо этого приказал Фэнцзи, которую недавно привез в столицу и которую тут никто не знал, наняться в поместье хоу и все для него вызнать. Девушка была бойкой и ловкой, к тому же в доме Фэн Жуна имела стычки с другими слугами, потому быстро согласилась и вошла в поместье хоу как младшая служанка.

Однако и здесь Фэн Жуну результатов пришлось дожидаться: прошла осень и зима, Фэн Сяолин, пусть и не забыла о своей обиде, понесла ребенка, и к концу следующего лета родила

Пань Таню прелестную девочку, которой дали детское имя Чэнхуа. Пусть Фэн Жун зятя так же не любил, в племяннице он не чаял души, и часто приходил, чтобы поглядеть на нее — а вместе с детским лепетанием таяла и подозрительность юноши по отношению Пань Таню.

Пока однажды ему вдруг не сообщили: Фэнцзи хочет с ним увидеться. Чтобы не вызывать подозрений, когда девушка уходила, они условились связываться через надежных людей: когда теперь она просила личной встречи, Фэн Жун не мог не нервничать.

Ночью Фэнцзи пришла на заброшенный постоянный двор, где для Фэн Жуна уже обогрели комнату и налили чай: юноша усадил служанку рядом с собой и принялся расспрашивать.

— Поместье хоу внутри — точно армия, — начала жаловаться Фэнцзи, пока все в комнате ее внимательно слушали. — Сначала мне даже в общие комнаты не позволяли заходить, затем — в хозяйские, а уж к павильону Цветения я вовсе под страхом смерти не должна была приближаться. Однако я была прилежна, управляющему понравилась, потому он повысил меня по службе, и я даже присматривала одно время за нашей прелестной юной госпожой — она ну точно цветочная фея!

— Да-да, наша Чэнхуа такая, — гордо, словно сам ее и родил, закивал Фэн Жун, но быстро смог собраться и продолжил расспросы: — Ну, а как павильон?

— С ним мне повезло. Работать бы мне в том жутком месте еще целую жизнь, прежде чем пробраться внутрь и что-то узнать — потому как слуги за его пределом знают не больше людей на улице. Однако в прошлом месяце одна из служанок оттуда упала, пока несла воду, и повредила ногу, а меня взяли на ее место. И вот, вошла я в павильон Цветения... — Фэнцзи остановилась и отпила чая, чтобы смочить горло. Фэн Жун поторопил ее:

— Ну не томи, что же ты! Кто там прячется? Неужели в самом деле Ли Инчунь?

— Вы просите, господин, а мне страшно о таком говорить! — взмахнула руками Фэнцзи. — В общем, живет там в самом деле юный господин, но место это — насквозь странное. У входа охрана, внутри охрана, у стен охрана — будто там не мужчина примерно вашего, молодой господин, возраста, а дикий зверь! Из мебели в покоях только кровать и пара шкафов, есть несколько книг с классическими канонами и сад, но в котором ничего не растет, даже деревья.

Голый двор — взглянуть страшно! И сам Ли Инчунь, на самом деле... Если бы у меня память была плоше, я бы по портрету, что вы мне показывали, его и не узнала! Он, конечно, стал старше, но и в худшую сторону изменился: осунулся — только кожа да кости, — побледнел, взгляд такой потухший и не говорит совсем! Точно призрак! Одежда вся закрытая, старая, волосы сухие и неопрятные — на того ученого, пусть и болезного молодого господина совсем не похож! Кроме того, содержания ему управляющий не дает, только нам платит, и никаких подарков, да и вообще дорогих вещей я в покоях не заметила.

— Что же это... — растерянно спросил Фэн Жун. — У поместье хоу нет денег на одежду и жалование?

— Я так же у других служанок спросила, а они только усмехнулись — господин Ли Инчунь тут не наложник, а пленник! Говорят, он совершил какое-то преступление, потому господин хоу держит его у себя, но что случилось я выпытать не смогла. У всех один ответ: «Господин хоу сказал, что преступник — значит так и есть!». Но знаете, господин, что самое жуткое?

— Что? — заворуженно спросил Фэн Жун.

— Первые два дня все было хорошо. Ли Инчунь лишь спал, ел, да смотрел на небо. А на третий день пришел господин хоу. Все слуги тут же вышли во внешние комнаты, а я осталась под дверьми — послушать, — Фэнцзи опустила глаза и из ее звонкого голоса пропала обычная игривость. — И знаете, что услышала? Стоны. Но не такие, как от страсти бывают — это-то я знаю, — а от боли. И звуки ударов. Слова ни одного не было сказано, лишь падало что-то на пол постоянно, а на следующее утро на лице Ли Инчуна огромный синяк был, в половину щеки, и губы все разбиты. Но все вокруг и он сам этого будто не замечали, вели себя как обычно. Ох, молодой господин, я так тогда перепугалась! Сразу побежала к молодой госпоже и нашей юной хозяйке — пока никого не было аккуратно раздела ее и осмотрела: но на ней ни синячка, ни царапинки. И слуги молодой госпожи мне сказали, что господин хоу в ее покоях через день бывает: они пьют вместе, смеются, и никогда к ней плохого отношения никто не замечал. Но что же тогда в павильоне Цветения?

Телохранитель Фэн Жуна, который Пань Танем все еще восхищался, нахмурился и уточнил:

— А может, ты чего не так услышала?

— Чего не так услышать там можно было? — взвилась тут же Фэнцзи. — Давай я тебя сейчас стукну и скажу, такой ли был звук!

— Ну-ну, не горячись, — успокоил девушку Фэн Жун.

— Да как я могу, молодой господин? — со слезами на глазах спросила Фэнцзи. — Я пусть и глупа, но помню, что Ли Инчунь никогда с господином хоу не пересекался да и из дома почти не выходил: где уже ему совершить преступление, за которое его так нужно наказывать? И почему господин хоу вообще держит его дома, а не отдаст императорской страже? Странно все это, господин, и Пань Тань кругом странный! Что хотите, господин, делайте, а я теперь в его дом ни ногой не ступлю — мне от одного вида его теперь жутко!

Пока Фэнцзи самозабвенно причитала, Фэн Жун над ее словами задумался: он считал, что дело будет раскрыто, стоит попасть в павильон Цветения, однако за его резными дверьми, видимо, скрывалась куда более мрачная и глубокая тайна.

<http://bllate.org/book/17230/1614800>